

Проклятие, оплетавшее левый глаз Линя, наконец рассеялось вместе с окончательной смертью Мелодии Раковины.

Хотя простуда и жар Линя тоже вызывали беспокойство, Фельдграу Дуофюр верил, что медицинское подразделение сможет справиться.

Эта единственная за день хорошая новость поддерживала верховного инквизитора, который, мельком проверив состояние Линя, продолжил работать далеко за полночь.

Нападение на центральное отделение Инквизиции и внезапная блокада оказали влияние на весь город. Например, местный товар — шпинелевые кристаллы — в ближайшее время должен был подорожать, но фактических поставок ожидалось немного, ведь торговцы, услышав новости, начали тревожиться за безопасность Шпиневилля и не решались приезжать, откладывая вывоз товара.

Кроме того, от мэрии и шести главных кафедральных соборов города приходили письма и звонки — все спрашивали о ситуации. Как лицо шпиневильской Инквизиции, Фельдграу должен был лично встретиться с городским советом и архиереями, чтобы объяснить происходящее.

Разумеется, важнейшим оставалось донести отчёт до вышестоящих.

Даже сам Фельдграу не мог предположить, что его собственные слова, сказанные несколько дней назад — «название Шпиневилля могут на десять лет прибить гвоздями в зале штаб-квартиры» — так быстро обернутся пророчеством.

Чтобы помешать Деве Серебряной Луны медленно определить местоположение «Раковины» по осколкам, Инквизиция запечатывала «Раковину», через несколько лет переносила её в новое место, затем снова запечатывала, и так далее. Этот цикл выполнялся в разных регионах уже девятьсот лет подряд.

Конечно, бывали случаи, когда информация случайно утекала. Бывали и моменты, когда Дева Серебряной Луны, пользуясь культом Искращения, почти дотягивалась до Раковины. Но все те кризисы в итоге удавалось разрешить.

Фельдграу Дуофюр, единственный за последние сто лет, кто был отмечен благословением бога и возведён в ранг апостола, не являлся заносчивым человеком. И всё же он не ожидал, что эта эстафета, длящаяся девять сотен лет, оборвётся именно на нём.

Дуофюрский птицелюд с белоснежными волосами, сидящий за письменным столом, отложил перьевую ручку и прижал пальцы к вискам.

— Твоё состояние оказалось лучше, чем я ожидал, — внезапно раздался голос.

Некто смог бесшумно пробраться в кабинет Фельдграу! В Шпиневиле, если бы кто-то рассказал подобное, это посчитали бы страшной байкой. Но сам Фельдграу не испугался — напротив, с облегчением выдохнул:

— Арх-инквизитор.

Тот самый арх-инквизитор, что утром сообщил, что прибудет лично, действительно приехал.

— Посторонних здесь нет, можешь называть меня по имени, — мягко сказал арх-инквизитор, усаживаясь на диван кабинета Фельдграу. — Фельдграу, я ведь говорил тебе много раз: между апостолами нет различий в положении.

— Но в рамках Инквизиции наши должности различаются по статусу, — ответил Фельдграу, поднявшись. Немного поколебавшись, он всё же изменил обращение: — Мистер Соломон.

— Если уж совсем неловко, можешь звать меня учителем, — с лёгкой улыбкой произнёс арх-инквизитор Соломон Лайн, глава всех инквизиторов.

Лайн прямо как «lion».

Жаль, что только Линь мог бы оценить этот каламбур.

Вопреки мягкости его голоса, сам апостол Дракона Света обладал внушительной, даже исполинской фигурой — он ничуть не уступал в росте двухметровым медведюдам. Его длинные, густые, золотисто-каштановые волосы казались жёсткими и неподатливыми, и хозяин их действительно не утруждал себя уходом за ними. Пряди торчали во все стороны; максимум, что он делал, — убирал мешавшую обзору чёлку рукой и тем самым открывал взгляду бугрящиеся под пиджаком бицепсы.

Стоило ему опустить руку, как волосы тут же возвращались в прежнее беспорядочное состояние. Из-под прядей, от ушей, глаз и даже из дыхания Соломона просачивались мелкие золотистые искры, заливая слабо освящённый кабинет Фельдграу ярким сиянием, делая его похожим на комнату очищения.

Температура в помещении с его приходом тоже резко возросла — всего за пару минут стрелка термометра у вентиляционного выхода подскочила на пять градусов.

Сидя на месте, Соломон Лайн напоминал огромную печь — в сыром подземном городе он наверняка пользовался особой популярностью. Но его лицо...

Два перекрещивающихся шрама образовывали крест: один шёл от правого виска, по диагонали через переносицу, и заканчивался у линии подбородка; другой пересекал правую щёку вверх, вырывая крупный кусок плоти. На лице Соломона были оставлены глубокие, багровые следы.

Эти крестообразные шрамы придавали облику леволюда ещё более свирепый вид, а ярко-жёлтые глаза, сверкавшие силой, заставляли любого, кто встречался с ним взглядом, невольно отступить на три шага.

Фельдграу, впрочем, не отступал. Когда он сам стал апостолом, именно Соломон обучал его некоторое время, и его «устойчивость апостола» делала его невосприимчивым к природному и духовному давлению учителя — иммунитет этот сохранился до сих пор.

Тем не менее, даже признавая их связь как учителя и ученика, Фельдграу не стал менять официальный тон — сейчас он находился на службе Инквизиции.

Ранее он уже отправил отчёт о происшествии в штаб. Фельдграу был уверен, что Соломон с ним ознакомился, но всё же пересказал всё заново.

Когда он закончил ясное изложение, Соломон сравнил услышанное с письменным отчётом и, помолчав, в первую очередь произнёс:

— Фельдграу, тебе не следует винить себя.

Разумеется, одними словами было сложно что-то изменить.

— Если говорить честно, — продолжил Соломон, — ты вступил в бой, где столкнулись два тёмных бога, и вернулся живым. Это уже значит, что ты свёл потери Инквизиции к минимуму. Все твои решения были верными. Появление второго тёмного бога — это то, чего никто не мог предвидеть.

— Всего лишь проекция и одно семя. Ни один из них не был полноценным тёмным богом, — тихо сказал Фельдграу, опуская взгляд и вспоминая серебряные глаза, смотревшие на него сквозь лёд и воду. — Если бы...

Соломон прервал его:

— Я уже предупреждал — не стоит недооценивать ни одного божества. Даже после нового календаря тёмным богам трудно явиться в полной силе, но их проекции — это всё равно божества, а семя — тоже божество. Тебе снова напоминать?

Фельдграу нахмурился и промолчал.

— И это не твоя единственная беда, — Соломон смягчил голос и продолжил, — от Близнецов Диссонанса у тебя и остальных его последователей — у всех одна и та же проблема. Вы думаете: разрушив врага, мы уберём себя и то, что дорого. Поэтому вы хотите одной собственной силой защищать всех подряд. Но даже если Шесть Столпов объединились, они лишь еле-еле поддерживают в темноте существование человечества; разрушительная сила,

рождаемая из стремления к защите, не способна уберечь всё. И вы, и Близнецы Диссонанса застряли в этой вечной противоречивости. Уменьши охват стремлений, Фельдграу. Помни, почему я не хотел, чтобы ты работал в штабе. Не ставь перед собой задачу хранить всё человечество; сейчас твоё дело — охранять город, где ты родился, и этого будет достаточно. Решив уничтожить Листчеса Азари, ты уже спас многих инквизиторов и их семьи; созданный призрачным деревом огромный перекрывающий сон не опустился на сам Шпиневиль, иначе два тёмных бога в сновидении схлестнулись бы — трудно представить, к каким последствиям это привело бы. Тогда ведь спали те, кто как раз уходил на ночную смену? Проекция Девы Серебряной Луны предпочла убежать; если бы она не сбежала, а использовала остатки силы сна для создания неприятностей... А-хах...

Соломон нахмурился, и шрамы на его лице натянулись.

— Но, — перебил Фельдграу, — новый бог снов...

— Он спросил тебя, как устранить скверну в магии, — Соломон вздохнул. — И Моисей Гуппи раньше задавал мне похожий вопрос. Этот мой старый знакомый действительно ещё существует.

Фельдграу, который видел данного древнего русала всего лишь несколько часов назад, поднял голову. Это было то прошлое, которого он не мог найти в запретной библиотеке.

— Не только он один спрашивал, — продолжил Соломон, погружаясь в воспоминания, — даже тёмные боги приходили с таким вопросом. Один из них, Король Грибов, хозяин грибных лесов, чтобы уменьшить вызванную им скверну, погрузился в сон, не так ли? — он задумался. — Но что же на подобный вопрос ответить? Для богов противостоять скверне — не навык, которому можно научиться; даже наши Шесть Столпов только случайно сделали первые шаги.

Выживание цивилизации держалось на этой случайности.

Фельдграу взглянул на дверь кабинета — даже видя, кто внутри здания, он всё равно проверил, что дверь была плотно закрыта.

То, о чём говорил Соломон, с самой первой фразы было не для ушей простых людей и уж тем более не для обычных инквизиторов.

— Новый бог снов, это семя, — встал Соломон, — с личной точки зрения я желаю ему удачи.

Он разгладил помятый костюм и добавил:

— Уведомь отделения Инквизиции по всему Шпиневиллю: проникайте в массы, собирайте все недавние сны граждан. Я подключу систему «подземной сети» — она поможет анализировать данные. Незрелое семя может связать свою силу максимум с одним-двумя городами;

Фельдграу, он находится в Шпиневиле.

— Он был даже в центральном отделении, когда стартовал Большой запечатывающий ритуал,
— сказал Фельдграу.

— Хорошо, что ты не растерялся, — Соломон слегка улыбнулся; улыбка сделала его лицо ещё более утрашающим. — Подрости, семя может и сумеет проникнуть в Большой запечатывающий ритуал; всё-таки, связь зеркал — это тоже связь. Но Мастер Адгезии лично вмешался, он остановил Деву; это семя не проскочило бы мимо его глаз... Да, тогда оно было в центральном отделении.

Выражение Фельдграу осталось спокойным.

Соломон заметил, что у того загорелись глаза.

— Злишься, да? — он расплёл ладони и тут же стал серьёзен: — Но в сражении между Девой Серебряной Луны и этим семенем мы должны занять сторону семени.

— Поэтому нельзя широко распространять расследование зеркальных аномалий, — сказал Фельдграу. — Я понял: нельзя давать Деве шанс узнать о новом боге снов.

— Ты верно понял — и это радует, — Соломон одобрительно кивнул. Затем его глаза расширились, грива волос заколыхалась, и он, не сдерживая внушительной ауры, произнёс: — Осталось самое важное.

— ? — Фельдграу растерялся.

«Что может быть ещё важнее?»

Соломон приблизился к верховному инквизитору.

Он положил большую руку на стол. Его любопытство взяло верх, и арх-инквизитор с сияющими глазами спросил:

— В кого ты влюблён? Могу ли я с ним встретиться?

— Апчхи! — чихнул Линь.

— Не ожидал, что боги могут простужаться и чихать, — Моисей всё ещё не мог поверить.

— «Что в этом такого удивительного?» — Линь махнул рукой, отгоняя нотации своего первого священника, и вновь начал внимательно вслушиваться в успехи Кристабель в учёбе.

Да — настало предрассветное время воскресенья, пора проверять домашнюю работу.

На этот раз Кристабель не использовала большое зеркало в раздевалке, а устроилась в гостевой комнате у Весполаро: она достала старое гримёрное зеркальце из кучи выброшенных вещей театра «Любовная муза».

Маленькое круглое зеркало было настолько лёгким, что даже хрупкая Кристабель могла держать его в одной руке; орнамент на обороте пестрел царапинами, но на лицевой поверхности повреждения отсутствовали.

Для не получившей ещё зарплату Кристабель эта находка стала одной из лучших за последние дни на новом месте.

Она поставила зеркальце на маленький стол так, чтобы оно смотрело на неё, стоящую на коленях на ковре; рядом в детской кроватке лежала малышка Нефрит. Пока мать напряжённо отвечала на вопросы Ока Зазеркалья с закрытыми глазами, девочка периодически издавала шумные звуки и перебивала ответы.

Но Око Зазеркалья не сердился.

«Какой же добрый бог мне достался», — с трогательностью думала Кристабель.

— Хватит, — Линь проверял её, не открывая книжки и полностью опираясь на память. — В целом правильно, но ответы слишком медленные, и часто запинки. Если бы это был экзамен, ты получила бы «неуд». Сейчас я поставлю «зачёт», но не расслабляйся — лучше повтори ещё раз, поняла?

Кристабель облегчённо вздохнула:

— Поняла, повелитель; я буду стараться.

Зная, что Кристабель приходится на работе учить сценарии и одновременно ухаживать за ребёнком, Линь ожидал худшего результата. Но всё оказалось лучше, чем он надеялся.

Фраза «я буду стараться» звучала искренне. Линь кивнул.

— Завтра будет проверка по «Тьме тёмных служителей», подготовься... Есть вопросы?

— Повелитель! — Кристабель сжала кулачки и подняла голову. — Я действительно не могу убить Радоцвета Сикадира?

— Это имя, — тихо спросил Моисей, — тот самый последователь Девы Серебряной Луны, о котором ты говорил?

Линь не ответил Моисею, потому что Кристабель смотрела прямо на него.

Он использовал новую маленькую хитрость, чтобы Кристабель не видела Моисея, находящегося за зеркальной поверхностью; и, если бы он ответил Моисею, в глазах Кристабель его действие выглядело бы странно.

Линь вспомнил данные о Радоцвете Сикадире — оленелюд средних лет, владелец крупного универсального магазина, инвестор в новую труппу театра «Любовная муза», способствующий проникновению культа Искажения в культурную сферу ради выгоды и расширения влияния — и спросил:

— Что он сделал?

В чёрных глазах Кристабель вспыхнула ярость.

Она ответила:

— Он нагло ухаживает за мной.

<http://bllate.org/book/12612/1119997>